

Исходя из марксистско-ленинского положения о том, что политическая борьба, происходившая в недрах Римского государства, в конечном счете велась из-за земельной собственности, Я. Ю. Заборовский утверждает, что даже в конце II века любые аграрные преобразования задевали интересы большинства свободного населения. Это подтверждает отношение к аграрной реформе Тиберия Гракха разных сословий Римской республики. Очертив круг оппозиции реформе, Я. Ю. Заборовский впервые в советской историографии античности ставит вопрос об отношении к событиям 133—132 годов зажиточного и среднего крестьянства. Враждебное отношение к реформе большей части римского народа предопределило ее судьбу. Удачной представляется попытка исследователя увязать широкое демократическое движение в Риме 140—120 годов, вершиной которого было выступление братьев Гракхов, с политической борьбой в сенате, с интересами определенных политических течений нобилитета. Однако выдвинутые этими группировками нобилитета программы носили, как справедливо заключает ученый, утопичный и консервативный характер—все они пытались путем возрождения среднего и мелкого римского крестьянства сохранить полные особенности Рима.

По праву много места в работе (с. 143—189) автор отводит малоисследованным аспектам восстания Спартака. Это прежде всего обеспечение боевых действий восставших, включая их снабжение деньгами, продовольствием и водой, оружием, медицинскими и ветеринарными средствами, выделение надежных проводников. Вывод исследователя о помощи сельского населения Италии восставшим развенчивает теорию тех буржуазных ученых, которые отождествляют восстание Спартака с разбойничьим налетом. Представляет интерес объяснение причин возвращения восставших из Северной в Южную Италию. Рассмотрена традиционная точка зрения о движущих силах восстания. Автор отвергает тезис «революция рабов», который преувеличивает их классовое самосознание. Любопытно утверждение автора о руководящей роли в восстании Крикса, а не Спартака.

Работу Я. Ю. Заборовского отличает ясный, четкий стиль изложения, обилие источниковой базы и историографии. Заслуживают внимания многочисленные таблицы по различным аспектам цензов. Пространные примечания и пояснения облегчают понимание многих положений «Спартак...» Книга будет необходима всем историкам при подготовке семинарских занятий, студентам—при написании курсовых и дипломных работ.

О. Н. Ханкевич,
К. А. Ревяко

В. Л. Акулов. **Диалектический материализм как система (опыт теоретического анализа)**. Минск: Университетское, 1986. 319 с.

Проблема системности диалектического материализма приобретает сегодня важное теоретическое и практическое значение. Ведь свои функции основы научного мировоззрения и методологии развития научного знания диалектический материализм выполняет только в своей цельности. Определенный интерес в этом отношении вызывает рецензируемая монография В. Л. Акулова.

Во вводной части исследования автор обосновывает положение о том, что структурными элементами философского знания являются онтология, гносеология, логика и аксиология. Хотя они и обладают относительной самостоятельностью, тем не менее являются частями единого и целостного философского знания. Благодаря этой целостности становится возможной мировоззренческая функция философии. Системность философского знания обусловливает и его методологическую функцию в современной науке.

В первой части работы—«Теория бытия (онтология)»—делается попытка дать философскую трактовку сущности бытия в виде развернутой системы принципов, законов и категорий. Свое исследование автор начинает с выявления роли принципа материалистического монизма как исходного принципа марксистско-ленинской философии и учения о бытии. Последовательный анализ этого принципа доводится до признания материи в качестве основы мира и его единства. Вместе с тем автор обращает внимание на тот факт, что противоречивое единство многообразных материальных образований и систем материального мира выступает как способ его бытия. Логическим выражением противоречивости материи и способа ее бытия является закон единства и борьбы противоположностей. Противоречивость бытия материи раскрывается автором через анализ противоречия общего (всеобщего) и единичного (отдельного), причины и следствия, возможности и действительности, необходимости и случайности, количества и качества, уничтожения и сохранения. Тем самым ему удалось показать не только противоречивый способ бытия материи, но и раскрыть системную взаимосвязь основных законов и категорий материалистической диалектики, отражающих это бытие и развитие.

Раскрывая противоречивый характер способа бытия материи, автор выделяет структурность, которая выражается в присущих ей атрибутах—пространстве и времени. Последние выступают формами существования движущейся материи. Вот почему в системе онтологии пространство и время являются необходимыми элементами. По автору, в этой системе важное

место должно занимать и учение о сознании, поскольку сознание является одним из атрибутов материи.

Идея системности философского знания последовательно проводится и во второй части работы — «Теория познания (гносеология)». Исходной методологической посылой этой части работы выступает положение, что познание является закономерностью бытия материи на социальном уровне ее развития. Тем самым обращается внимание на тесную взаимосвязь гносеологии и онтологии. Автор подчеркивает, что системный характер теории познания диалектического материализма может строиться только с учетом системного характера бытия материального мира и его отражения человеком.

В работе показано, что познание выступает как процесс разрешения противоречий между его субъектом и объектом. Учение о противоречиях положено автором в основу исследования структуры познавательного процесса, природы истины и ее критерия. Заслуживают внимания положения и выводы этой части работы относительно места и роли интуиции в познании, механизма действия практики в процессе проверки истинности знания.

Рецензируемая работа не свободна и от недостатков. Некоторые положения, высказанные автором, носят спорный характер. В их ряду можно назвать положения о совпадении содержания следствия с вызвавшей его причиной, об однокачественности вещей, атрибутивности сознания.

Но отмеченные моменты не снижают общей положительной оценки монографии В. Л. Акулова. В ней сделана плодотворная попытка раскрыть системность философского знания, исследующего закономерности бытия материального мира и познавательного процесса. Положения и выводы работы могут быть использованы в процессе преподавания диалектического материализма в вузе.

**И. М. Морозов,
П. С. Карако**

Молодежи о политической экономии
/ А. А. Аузан, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, Б. М. Мясоедов; Под ред. В. В. Куликова. М.: Экономика, 1987. 223 с.

«Слово тоже есть дело!» — говорил В. И. Ленин. Слово, обращенное к молодежи, прорастет в будущих делах, а потому есть вдвойне значимое дело. Выход книги «Молодежи о политической экономии» свидетельствует о неравнодушии ученых-политэкономов к судьбам завтрашнего общества. Книга написана «ясной головой и горячим сердцем» и потому она высоконаучна и в то же время не требует для усвоения непростых понятий «выносливости верблюда и терпения святого». Это книга-собеседник, книга-сотворчество,

ибо, по мнению автора предисловия профессора В. В. Куликова, в ней найден верный тон — приглашение «отправиться вместе искать истину, творить политическую экономию» (с. 3).

Нередко на вопрос: «Что есть политэкономия?» можно услышать от выпускника вуза, хозяйственного руководителя: «Да, это наука, где товар-деньги-товар!» Именно так считали небезызвестный Е. Дюринг и мелкобуржуазный социалист П. Ж. Прудон, убежденные, что товарно-денежная форма хозяйствования — единственно экономическая, да к тому же (будто взмахом волшебной палочки) отлаживающая любой хозяйственный механизм.

Поэтому интересен рассказ авторов книги о других экономических формах общественной жизни, их преемственности, отрицании друг друга. Причем все это показано в соотношении с коммунистическими идеалами свободы и равенства. Такой рассказ дает полное представление о предмете политической экономии.

Многовековое определение человеческой значимости и общественного успеха посредством вещи породило явление чрезвычайно уродливое — товарный фетишизм. В контексте рассказа о «персонификации вещей» и «овеществлении лиц» всемогоще ощущается значение главы «Золотой ключик» политической экономии, где речь идет о методе политэкономии, позволяющем исследовать веществу особого рода — социальную предметность.

Представляется, преподаватели общественных наук согласятся, что убедить в величии открытий Карла Маркса, не впадая в патетику, показать силу его могучего ума, не размахивая цитатой, приобщить к красоте истинно научной теории очень нелегко. Только понимание живой «души» политэкономии, любовь к своему делу позволят сделать это. На наш взгляд, авторам удалось рассказать о современном капитализме без снисходительности и без «витринных» восторгов и ответить на вопрос: почему еще не умер «умирающий капитализм».

Однако для авторов раскрытие содержания ключевых понятий политической экономии капитализма и социализма — «не самоцель, а средство показать живую творческую роль науки политической экономии в решении сложнейших проблем сегодняшней экономической жизни» (с. 3). Стоит только заглянуть в оглавление («Субъективизм? Нет, планомерность», «Экономический рост. А ради чего?», «План или рынок?», «Противоречия обновления», «Старое в новом...») и интерес к книге появится не только у юношей, «обдумывающих жите».

Рецензируемая книга — не научная монография. Однако ее содержание отличается и научной новизной, и подвижением дискуссионных проблем. Это касается понимания таких категорий, как хозрасчет, самостоятельность предприятий, союз потребителей, са-